

ТАНЯ ТРОТТЕР

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Таня Гроттер и магический контрабас

Таня Гроттер и Исчезающий Этаж

Таня Гроттер и Золотая Пиявка

Таня Гроттер и трон Древнира

Таня Гроттер и посох волхвов

Таня Гроттер и молот Перуна

Таня Гроттер и пенсне Ноя

Таня Гроттер и ботинки кентавра

Таня Гроттер и колодец Посейдона

Таня Гроттер и локон Афродиты

Таня Гроттер и перстень с жемчужиной

Таня Гроттер и проклятие некромага

Таня Гроттер и болливый сфинкс

Таня Гроттер и птица титанов

ДМИТРИЙ ЕМЕЦ
ТАНЯ ГРОТТЕР
И ПОСОХ ВОЛХВОВ

Москва
2023

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Художник и дизайнер *Инна Гюнтер*

Емец, Дмитрий Александрович.
Е60 Тая Гроттер и посох волхвов / Дмитрий Емец. —
Москва : Эксмо, 2023. — 368 с.

ISBN 978-5-04-169603-0

Между Потусторонним Миром и миром магов существует строгий закон равновесия. Ничто не может перейти из мира в мир, не нарушив хрупкого баланса сил. Но вот веками оберегаемое равновесие нарушено. Из Потустороннего Мира похищено нечто исключительно ценное... По Таниной неосторожности в зеркале поселяется сильный дух, который открывает проход между мирами. Три могучих древних бога, Перун, Велес и Триглав, и хранитель мирового древа Симорг требуют вернуть украденное, грозя уничтожить Буян и с ним вместе весь магический мир...

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169603-0 © Емец Д., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

...Душа родная — нос чужой...
Враждуют чувства меж собой...

Е. А. Баратынский

Глава 1

РОДСТВЕННИКОВ НЕ ВЫБИРАЮТ

Самый добрый депутат Герман Дурнев воздел к потолку мутные глазки с белками цвета несвежей мыльной пены.

— Человеческой подлости и зависти нет границ! Нинель, золотце моё, меня лишили депутатской неприкосновенности, лишили всего! Кто я теперь? Всего лишь почётный председатель В.А.М.П.И.Р. и генеральный директор фирмы «Носки секонд-хенд»! — надрывно заявил он.

— Герман, всё же, согласишься, ты сам виноват. Притащиться на встречу с американским президентом в кожаных сапогах со шпорами и со шпагой! Они, конечно, там ковбои, но не до такой же степени. И как тебя

только пропустили? Лично я не удивляюсь, что всё так закончилось! — осторожно заметила супруга.

— Да-да-да... Возможно, с моей стороны это было несколько неосторожно. Но что такого особенного в сапогах? Я же послушался тебя и не надел корону! — плаксиво пожаловался Дурнев.

— ГЕРМАН!

— Что «Герман»? Я уже целую кучу лет Герман! А вообще-то, клянусь, американца это позабавило! Он там сидел и от нечего делать рисовал на бумажке танки, а когда я крикнул «А вот и он, больной зуб!» и зазвенел шпорами — тут он как подскочит! А наш президент поморщился и погрозил мне пальцем. Знаешь, будто хотел сказать: «Опять этот Дурнев!» Он меня просто достал! — заявил почётный председатель.

— Германчик, ты забываешь, что было потом! — сказала мадам Дурнева.

Бывший самый добрый депутат отмахнулся от жены, точно от назойливой мухи.

— А что, кто-то ещё этого не знает? Да по телевизору целую неделю только это и показывали! На меня навалились охранники и стали выкручивать мне руки. Мне, председателю В.А.М.П.И.Р., депутату! Мне это не понравилось, и я стал сопротивляться. Вообрази, Нинель, я и не предполагал, что такой сильный. Они падали как кегли в боулинге, а я ведь только толкал их эфесом шпаги и звенел шпорами. Один, здоровенный такой, краснощёкий, как помидор, представляешь, задрожал и закрыл шею руками. А я лишь немного задумчиво посмотрел на него.

— Просто посмотрел, и всё? Ты уверен, что не пытался его укусить? — с подозрением осведомилась супруга.

Дурнев от возмущения даже передёрнулся:

— Кусать какого-то охранника с немойшей шеей, который только поливает грязь этим мерзким одеколоном? Фи! За кого меня принимает собственная жена? Да я вообще не переносу вида крови! В детстве мне становилось дурно, стоило уколоть иголкой палец и увидеть красную капельку... Вот слегка поджаренные бифштексы с кровью — совсем другое дело. Но они же не ходят на двух ногах!

Нинель обрушилась на диван, обречённо заскрипевший пружинами. Дальше её муж мог не рассказывать: она и сама всё знала. Несмотря на шпагу графа Дракулы, количество восторжествовало над качеством. Германа Никитича скрутили и выставили вон. На другой день многочисленные недоброжелатели Дурнева вынесли вопрос на голосование и лишили его депутатской неприкосновенности, а заодно и мандата. Возможно, Дурнев сумел бы ещё на кого-то надавить и выкрутиться, но его пропуск в Думу тоже был аннулирован, так что потомку графа Дракулы некого было замораживать гипнотическим взглядом и не перед кем звенеть шпорами.

— Айседорка Котлеткина сегодня со мной даже не поздоровалась! Пройшла, как мимо пустого места. Она уже знает, что ты в опале, — грустно сказала супруга.

— Ещё бы. Моей политической карьере пришёл конец. Окончательный и бесповоротный. И Котлеткины это понимают. У них нюх, — кивнул председатель В.А.М.П.И.Р.

Он увязал в болоте уныния.

— Чем ты теперь займёшься, Германчик? — стараясь расшевелить его, спросила мадам Дурнева.

Её хандрящий супруг-вампириод задумчиво пошевелил ножками в зелёных носочках. С его стороны это было не самое разумное действие. Такса Полтора Километра, наблюдавшая из-под дивана за прыгающими

у неё перед носом дурневскими пятками, не справилась с искушением. Она высунулась, тяпнула бывшего депутата жёлтыми старческими зубами и вновь убралась в своё убежище.

Бывший депутат взревел страшным голосом. Он подскочил едва ли не до потолка и попытался отодвинуть диван, чтобы расправиться с собакой. Однако диван и сам по себе был тяжёлым. Сейчас же, когда на нём сидела ещё и супруга, массивная, как якорь «Титаника», это привело бы к грыже и тибидохского атланта.

Тогда Дурнев замыслил отомстить иначе. Держа укушенную ногу на весу, он на оставшейся ноге (выбор ног у лопухоидов, увы, довольно ограничен) припрыгал к телефону и поспешно пролистал справочник.

— Это зоомагазин?.. — закричал он в трубку. — Скажите, девушка, у вас есть отравы для собак?.. Что вы говорите?.. Пёс мучается? Нет, это я мучаюсь! Как не держите? А зачем тогда задавать идиотские вопросы?

Раздражённый Дурнев швырнул трубку на рычажки, бессильно пнул диван и, ушибив пальцы, неожиданно для себя настроился на мирный лад.

— Вечно ты, Нинель... Откуда я знаю, чем займусь? — пробурчал он. — Ну, наверное, пригоню из Европы пару составов с тряпьем. Только знаешь, что в последнее время стали устраивать эти жулики, мои поставщики? Они подмачивают вещи перед продажей на вес! Только я ведь тоже не лыком шит. Я расплачиваюсь с ними не деньгами, а матрёшками и будёновками.

* * *

Неожиданно — такие вещи почему-то всегда случаются именно так, а не иначе — звонок в коридоре ехидно задрезжал. Супруги разом вздрогнули.

— Пап, кто-то притащился! — крикнула из своей комнаты Пипа.

— Будто я сам не слышу! Возьми и открой! — огрызнулся родитель.

— Я не могу! Я ругаюсь! — объяснила его дочка.

Она уже третий час сидела в Интернете на форуме фанов Гурия Пуппера и пыталась убедить всех, что Гэ Пэ влюбился в неё и даже присылал ей цветы с купидончиками. Пипе не особенно верили, хотя со злости она так колотила по клавиатуре, точно забивала гвозди. Правда, в одном Пипа с форумцами всё же сходилась. Фаны Пуппера тоже в большинстве своём считали, что Таня Гроттер дура набитая, а Гэ Пэ крутой, как варёное яйцо.

— Ладно, доча, не отвлекайся! Ругаться надо долго и со вкусом, а то не получишь удовольствия. Папулечка сам откроет! — сказал Герман Никитич и двинулся к двери.

Супруга повисла у него на руке.

— Герман, не надо! Не открывай! — взмолилась она.

— Почему?

— Так всегда начинается! С непонятных звонков в дверь. Разве ты не слышишь мелодию? То ли похоронный марш, то ли джига! Эти звуки бывают только в таких случаях!

— Думаешь, снова Гроттерша? — вращая шеей, с подозрением спросил Дурнев.

— Не знаю... Давай хотя бы посмотрим, прежде чем открывать!.. Стой! Ты куда? — Мадам на секунду выпустила супруга, и тот, воспользовавшись этим, провалился к дверям.

— Если это Танька, она пожалеет! Прикончу на месте! Шпага, ко мне! — воинственно зарычал потомок графа Дракулы.

Шпага, звеня от нетерпения, выскочила из шкафа и прыгнула к нему в ладонь. Ей давно уже хотелось кого-нибудь проткнуть, и теперь она только обрадовалась, что хозяин взялся за ум.

Рванув дверь, Дурнев выскочил на площадку и удивлённо остановился, никого не увидев. Должно быть, это произошло оттого, что он смотрел слишком высоко. Наконец он догадался перевести взгляд ниже и оцепенел.

Перед ним обнаружился карлик с большой бугристой головой, покрытой не то лишаями, не то заросшими красной шерстью родинками. Его макушка была где-то на уровне пупка бывшего депутата. Однако маленький рост ничуть не лишал карлика самоуверенности. В руках у него была сучковатая, с резными узорами палка из красного дерева, на которую он опирался не без некоторого изящества.

Карлик так и светился от чувства собственного достоинства, которое отнюдь не умалялось тем, что единственной одеждой карлику служила волчья шкура. Он был бос, ноги по колено покрыты грязью — такой жирной и густой, что со стороны близорукому человеку могло показаться, что карлик обут в щегольские хромовые сапоги. Даже для конца октября грязи было явно многовато. Однако самым неприятным в незнакомце были даже не красные родинки и не грязь, а кошмарный запах — резче и отвратительнее, чем от болотного хмыря. Видно было, что карлик принимает душ только при несчастном стечении обстоятельств — когда попадает под дождь.

Пока Герман Никитич тупо разглядывал огромные, не по росту ступни гостя, с ногтями жёлтыми и крепкими, как черепаховый панцирь, карлик, ничуть не смущаясь, произнёс гнусавым голосом:

— Квартира Дурневых? Вот приехал к вам! Жить, то ись, у вас буду!

Ошеломлённый такой неслыханной наглостью, хозяин квартиры сумел лишь открыть рот. Рука, в которой он сжимал шпагу, опустилась.

— Ты что, братик, не рад? Своих не узнаёшь? Это ж я! — обиделся карлик.

Директор фирмы «Носки секонд-хенд» замотал головой, демонстрируя всем своим видом, что не знает и знать не хочет никакого самозваного «я», а заодно «ты», «вы», «оно», «они» и вообще никаких местоимений.

Босяк опечалился. Он ещё пару раз фамильярно назвал Германа Никитича братиком, но родственного отклика не встретил. Тогда он вздохнул, поскрёб подбородок и стал бить на жалость.

— Ну как же! Я со стороны бабы Рюхи и Шелудивого Буняки! Родная ж, можно сказать, кровинка! — сообщил он, почувствованно шмыгая носом.

— Не знаю я никакого Рюхина! Убирайтесь! — строго велел председатель В.А.М.П.И.Р.

Карлик не внушал ему доверия. С каждым мгновением Дурнев, обладавший острым чутьём на людей, всё определённое убеждался, что перед ним проходимец.

— Да ты не туды смотри, ты сюды смотри! — засуетился человек, путано, но убедительно чертя что-то пальцем по воздуху. — Вот она, то ись родословная наша: тута баба Рюха и Шелудивый Буняка, тута тётка Хрипуша, тута её сестры Трясея, Огня и Ледея, а здесь вон плямянник их Пруха. А у Прухи-то сыночек был, Халявий! Припоминаешь? Так я энтот Халявий был и есть!

Дурнев слотнул. Он впервые слышал о бабе Рюхе и Шелудивом Буняке, равно как и о Прухином сыночке Халявии. С другой стороны, что-то подсказывало бывшему депутату, что отвертеться от настырного родственничка будет непросто.

Пока хозяин квартиры пребывал в растерянности, Халявий, не дожидаясь приглашения, быстро опустился на четвереньки, прошмыгнул у него между ног и залез безил перед его супругой.

— Решил я, мамуля, у вас пожить. Не прогоните же то ись. Совсем у нас плохо стало. Ни тебе кровушки попить, ничего... Прямо хучь здесь ложись и подыхай! — объяснил он, мигая слезящимися глазками.

Однако, несмотря на твёрдое намерение распрощаться с жизнью, родственничек с каждой минутой всё больше распоясывался. Он решительно зашаркал грязными ступнями по дубовому паркету, сунул свою палку за шкаф и, оказавшись у вешалки, по ходу дела вытер нос рукавом норковой шубы хозяйки.

Дурнева разглядывала карлика со смешанным чувством ужаса и брезгливости. Тем временем Халявий уселся на пол и, с пугающей ловкостью почесав ухо ногой, бессвязно забормотал:

— Вот такая вот, то ись, наша жись! А тот ещё колом... колом осиновым поперёк спины... Я от кола-то увернулся — да его за ногу. А тут второй из ружья как дребезнет, да серебряной пулей! Вот туточки пролетела мимо уха — свирк... А он уж снова приложился и целится! Едва я успел, значить, «*Темпора моралес*» произнести...

Неожиданно Халявий осёкся, встал, вытянулся по стойке «смирно» и, с беспокойством воззрившись на монументальную фигуру мадам Дурневой, поинтересовался:

— Болтаю, а у самого на языке вертится... Вы-то сами не из циклопих будете, мамаша? Нет? А то у нас в Трансильвании бродят по лесам эдакие фифы, зубы вышибают. Пряма ни-ни — только сунься! Бессмертник Кощеёв как-то мимо пролетал, с конского скелета упал, дык едва латы унёс.

— Кто циклопиха?! Я?! Ах ты, секильдявка! — мигом теряя всякую робость, страшным голосом взревела Нинель. Она крайне болезненно относилась к любым намёкам на свой вес.

Испуганный родственник задрожал и полез забиваться под шкаф для обуви.

— Ой, страшна, мамаша, страшна! Прямо хоть завтра к нам в Трансильванию! — запищал он оттуда.

Герман Никитич выронил шпагу. При повторном упоминании Трансильвании в мыслях у него смутно начало что-то проясняться.

— Погоди, так ты вампир? — спросил он, глядя на развитые глазные зубы выглядывающего из-под шкафа Халявия.

— Да не вампир я! Оборотень! Нехорошо, братец, своих не узнавать! Хотя ты и председатель, и Дракуле родня, всё ж таки нехорошо! — укоризненно произнёс Халявий.

Он ещё некоторое время посидел под шкафчиком и, убедившись, что хозяйка дома на него не кидается, выбрался наружу. Отряхнувшись, родственник извлёк прямо из воздуха короткий нож с широким лезвием и решительно вонзил его в паркет.

— Иная-то шантрапа с медальонами балуется, да только я этих фокусов не признаю! Я уж лучше этак, по старинке! — сообщил Халявий и внезапно, без всякого предупреждения, с необычайной ловкостью перекувырнулся через нож.

Облезшая волчья шкура, прежде свободно болтавшаяся на плечах, теперь словно приросла к своему хозяину. Лишайчатое лицо вытянулось. Руки удлинились. Ноги же, напротив, стали гораздо короче и покрылись жёсткой серебристой шерстью. В следующую минуту потрясённые Дурневы внезапно осознали, что на пар-

кете их квартиры, прижав уши, сидит и скалится крупный волк.

Супругу бывшего депутата забила такая крупная дрожь, что, казалось, весь колоссальный правительственный дом затрясся и задрожал с ней вместе. Председатель В.А.М.П.И.Р. схватил с пола шпагу и выставил её перед собой — на случай, если волк бросится на них. Но оборотень не бросался. Он смотрел на родственников жёлтыми, несимметричными, словно случайно прорезанными глазами, будто желал определить, кто из двоих аппетитнее. Потом встал и, негромко рыча, направился к мадам Дурневой. Из его полуоткрытой пасти стекала прозрачная и тонкая, как волос, нить слюны.

Дурнева завопила дурным голосом.

— Мамуль, сколько можно шуметь?! Кто там припёрся? Вы мне мешаєте чатиться!.. Я тут одну девчонку почти убедила, что Гэ Пэ на мне женится! — раздражённо крикнула из комнаты Пипа.

Услышав её голос, волк повернул голову и замер. В его жёлтых зрачках мелькнуло что-то похожее на умиление. Забыв об аппетитной даме, оборотень вновь бросился к ножу и перекатился через него. На полу опять возник Халявий с волчьей шкурой на плечах.

— Пардоньте, что едва не загрыз, мамаша! — извинился он. — Когда обернувшись, я малость не в себе бываю. Вроде я, а вроде и не я. Туман в голове. Если бы Пипочка моя родная голоска не подала, уж и не знаю, что было б.

— Откуда ты знаешь Пипу? — строго спросил насторожившийся отец. Директор фирмы «Носки секонд-хенд» только что едва не стал вдовцом и теперь размышлял, повезло ему или нет, что всё сорвалось.

Халявий застенчиво переступил с одной босой ножки на другую.

— Да тут, то ись, какое дело, братец... Пипу-то у нас в Трансильвании все знают! Такая личность! — сказал он.

— Какая ещё личность? — нахмурился Дурнев.

— Да как же! Поговаривают, внучок-то Пипин через две сотни лет повелителем нежити станет! Недавно на камне судеб буквы, значить, проступили! Большому кораблю, как грится... А я-то как рад! Родная кровиночка! Тута вот баба Рюха и Шелудивый Буняка, тута тётка Хрипуша. А тута батяня мой Пруха... — пошёл по второму кругу Халявий.

— Прекратите нести чушь! Это я уже слышал! — отрезал Дурнев.

— Герман, прогони его! Давай я вызову консьержку! — слабым голосом сказала супруга.

— Не получится меня прогнать, то ись! Так-то, дорогие мои! Сказал: у вас буду жить — и буду! — замотал головой Халявий.

— Это почему же? — возмутилась Дурнева.

Оборотень показал ей язык.

— Мы с братиком Германом судьбоносцы. Это в мире волшебном у нас все знают. Как на свет появились, уже судьбоносцами были. Это кто-то из рода нашего древнего так наколдовал: ворожейный был род, знатный. Хоть у Рюхи, хоть у Прухи, хоть у Хрипуши спроси — всяк одно скажет, — пояснил оборотень.

В голосе у него была странная убедительность.

— А кто такие судьбоносцы? — обречённо осведомилась Дурнева.

— Судьбоносцы, мамаша, — это когда две судьбы одной ниточкой, пуповинкой одной связаны. Куда одна судьба, туда и другая. У него плохо — у меня плохо. У меня счастье — у него счастье. Ежели, к примеру, я умру, он и часу не проживёт без меня. Так-то вот, ма-

маша! Вот гляди: меня чуть кольями не прибили и пулями не изрешетили, а у муженька твоего небось в тот же день чего другое было... Не знаю чего, а было... Не могло не быть!

— Президентская охрана... Пропуск в Думу отобрали! О нет! — простонал Герман Никитич.

За спиной у него обрушилось что-то массивное. Это грузно сползла вдоль стены супруга. Такса Полтора Километра завывала жалобно, надрывно, душераздирающе. Она уже жалела, что хозяину не продали яду.

Яду, всем яду! Всё смешалось в доме Облонских! Всё смешалось и в магическом мире, и в мире лопухондов, и в моей голове! Ох, угораздило, ну и угораздило же нас родиться на этом стремительно вращающемся безумном шарике, да ещё и в самый безумный момент его истории!

Просто мамочка моя бабуся, как сказал бы Баб-Ягун!!!

Глава 2

ТОРТ С ЧУМОЙ И ПРЫГАЮЩЕЕ БЛЮДЦЕ

Почему-то часто так случается, что мы вспоминаем о человеке в момент, когда он сам вспоминает о нас. Или звонит, или едет в гости. Но вот Баб-Ягун о нас не вспоминал, не звонил и в гости тоже не набивался. Он стоял перед зеркалом в комнате у Тани и, закатав рукава, разглядывал свои бицепсы. Щёки у Ягуна были толстые, а вот мускулы не слишком внушительные. Вероятно, Ягуну и самому пришло это на ум, потому что он удручённо спросил:

— Народ, никто не помнит, как мышцы побольше наколдовать?

Таня отложила тетрадь с заданиями по теоретической магии. Она вконец запуталась. Сарданапал велел им составить подробный гороскоп Юлия Цезаря и объяснить все события в его жизни с точки зрения расположения планет. У Тани же с планетами выходила полная неразбериха. Марс, Юпитер, Сатурн и Венера путались как у неё в голове, так и на бумаге. Но противнее всех была Луна. Она вообще издевалась, подмигивая девочке с расчерченного гороскопа и утверждая, что наиболее благоприятный день в жизни Юлия был тот, когда его зарезали. Идеальная же совместимость характеров была у Цезаря только с неким лопухоидом по имени Брут.

— Эй, чего все молчат? Я говорю: надувательное заклинание кто-нибудь помнит? — нетерпеливо повторил Ягун.

— Забудь об этом! — сказала Таня. — Помнишь, Жикин себе мускулатуру наворожил как у атланта? Ходил крутой, как варёное яйцо! Плечи в дверь не проходили, а через неделю — раз! — сдулся прямо на защите от духов. То-то хохоту было!

— Это не Жикин виноват. Это Поклёп! Он обожает студентов на место ставить. Особенно нас, четверокурсников! Ну погоди, завуч, вот вырасту, стану величайшим магом, встретимся мы тогда в узком переулочке! «Ну здравствуй, — скажу я ласково, — старьёй мухомор! Кто в юности напустил на меня биовампиров? А психанутого духа? А теперь как насчёт экскурсии в мир полтергейстов?» — размышлялся Ягун.

Однако мысли о мести надолго не задержались у него в голове. Вместо этого играющий комментатор неожиданно потребовал второе зеркало.

— А что, ты в одном уже не помещаешься? — ехидно поинтересовалась Таня.

— Издеваешься? — оскорбился Ягун. — Я просто хочу на себя сзади посмотреть. Интересно, сзади я такой же красивый, как и спереди, или меня уши портят?

— Красивый, красивый... — поспешно сказала Таня. Признать Ягуна красивым было проще, чем бегать по этажу отыскивать ещё одно зеркало.

— В самом деле красивый? А этот прыщик на лбу? Конечно, это всего лишь прыщик, но всё же портит он меня или нет? — Разглядывая себя, Ягун прильнул совсем близко к стеклу.

ДЗИААНГАНГГГ!

Внезапно из зеркала вырвалась рука со скрюченными пальцами. Она пронеслась сквозь Ягуна и втянулась об-

ратно. Внук Ягге побледнел и отпрянул, ощупывая свою голову. Он никак не мог понять, уцелела она или нет.

— Ты видела, видела? — крикнул он.

Зеркало отразило жуткое перекошенное лицо с распухшим точно от хронического насморка бугристым носом. По ту сторону стекла на трёхногом табурете сидел сморщенный горбун со светящимися глазами. Скалясь, он скатал отражение Ягуна и, небрежно скомкав его точно лист бумаги, швырнул Ягуна под ноги. Снова расхохотался. По зеркалу пробежала волна. Горбун исчез.

— Что это было? — прохрипел Ягун с ужасом.

— А-а... Безумный Стекольщик... Горбун с Пупырчатый Носом. Он живёт там, в зеркале. Ему, видно, надоело, что ты тут вертелся дольше Гробыни, — пояснила Таня.

— Откуда он здесь взялся? — допытывался Ягун.

«Малютка Гроттер» грустно посмотрела на вконец запутавшийся гороскоп, прикидывая, не использовать ли «*Чукара курачукара*».

— Э-ээ... Стекольщик? Ну вообще-то это я его здесь поселила. Вызывающим заклинанием, — призналась она.

— Зачем? Тебе нравится этот субъект? — со страхом спросил Ягун.

— Ты что, перегрелся? Кому он может нравиться? Я хотела Гробыню слегка проучить. Она вечно перед зеркалом торчит — даже причесаться не даёт, — призналась Таня.

— Ты спятила, Гроттер! Он явно из тёмных духов! Даже хуже... Чур меня, чур! — Ягун с суеверным ужасом смотрел на своё скомканное отражение, таявшее у него под ногами, точно сосулька, брошенная на раскалённую сковороду. Последним исчезло лицо. Но-

вое отражение Ягуна, возникшее в стекле сразу после гибели первого, дрожало как осиновый лист.

— То-то и оно... Понимаешь, я, когда заклинание произносила, не разобралась, что оно из запрещённых. Буркнула наспех, когда на Склеп злилась, а заклинание возьми да и сработай... Да ещё не просто — тремя красными искрами!.. Кто мог подумать, что Горбун такой навязчивый окажется? Вызваться он вызвался, а уходить не собирается. Да ещё пророчествует по ночам... — пожаловалась Таня.

— А из стекла он того... не вылезает? — поинтересовался Ягун.

— Да нет вроде. Скорее всего не может. Вот только руку иногда высунет или голову. Не нравится мне всё это...

— А, ну тогда ладно! — Ягун потряс головой, отгоняя наваждение. — Ты же знаешь: обычно я не слишком себя разглядываю. Сегодня особый случай. Должен я был запомнить себя таким на всю жизнь или не должен?

— С какой это радости? — удивилась Таня.

— Как с какой? Пятнадцать лет лбу! Через три дня шестнадцать! — гордо сообщил играющий комментатор.

— Кошмар! Я думала, столько не живут! Ты дряхл, как Готфрид Бульонский! — насмешливо сказала Таня.

Надув губы, Ягун покосился на неё:

— При чём тут твой Готфрид? У меня день рождения на носу, почти что юбилей, а про это все забыли. Непорядок!

— Ты рано делаешь выводы! Думаю, всё ещё впереди, — сказала «малютка Гроттер».

Играющий комментатор расплылся в широченной улыбке, но, спохватившись, поспешил сделать недовольное лицо. Но Таню было не провести. Она поняла,

что Ягун специально разнюхивал, забыли о его дне рождения или нет.

— Ну так и быть... Посмотрим, что там такое. У нас в Тибидохсе как: сам себе подарок не сделаешь — не порадуешься, — заявил он.

— Ягун, не бабьежничай! — возмутился до сих пор молчавший Ванька Валялкин.

Ванька тоже был здесь: кормил червями и жуками полыхающего всеми цветами радуги жар-птица. Прежний птенец давно превратился во взрослую птицу — да ещё такую обжигающую, что взять её можно было только в толстой рукавице. Правда, воспитанный людьми, жар-птиц толком ещё не определился, кто он такой, и избегал общества других птиц, предпочитая общество Ваньки или Тарараха. Большую часть дня он проводил как на насесте на плече у Ваньки. Чтобы птиц не обжёг Ваньку своим хвостовым оперением, Таня поставила Валякину на майку большую заплату из всегда холодной кожи василиска.

Кожу ей переслал с купидончиком Пуппер, который у себя на туманном острове, изнывая от любви, прикончил одно из этих редких пресмыкающихся. До этого времени василиск, никому особенно не докучая, мирно обитал в пыльной подвальной комнате и лишь изредка выползал, чтобы заморозить парочку кошек, таких древних, что, по слухам, они принадлежали ещё Джейн Остин и всё равно скоро умерли бы своей смертью.

Узнав о гибели василиска, отдел по защите магических животных Магшества Продрыглых Магций выразил Пупперу магшественное порицание и оштрафовал его на полпуда жабьих бородавок. Событие это вызвало множество откликов в прессе. Грызиана Припятская даже побывала на месте гибели василиска и сделала по зудильнику спецрепортаж. Издательство же, специали-

зирующееся на календариках с Гурием, выпустило по этому случаю книгу.

Накормив прожорливого жар-птица, Ванька пересадил его на плечо Пажу и плюхнулся на кровать Гробыни Склеповой.

Самой Гробыни в комнате не было. Она уже несколько дней подлизывалась к библиотекарю Абдулле, строя планы по охмурению с его помощью Пуппера. Старый джинн знал массу запрещённых заклинаний. Кроме того, по Тибидохсу давно ходили слухи, что где-то в глубине его библиотеки скрыты старые книги — такие опасные, что Древнир в своё время приказал их сжечь, но хитроумный джинн предусмотрительно укрыл их в безопасном месте, превратив во что-то незначительное.

* * *

После матча с невидимками, когда Таня, спасая Гурия, забила мяч собственному дракону, в её жизни что-то изменилось — будто кто-то решительно, не спрашивая разрешения, перевернул уже исписанную страницу. Таня отчётливо осознавала, что с ней что-то происходит, но не могла понять что, почему и когда этому наступит конец.

Она менялась, перетекала из чего-то или куда-то — именно таким было внутреннее ощущение — и плохо узнавала саму себя. Всё валилось у неё из рук. С горя она даже взялась было за учёбу, но и это не заглушало жуткого внутреннего недовольства собой. Недаром Ягте утверждала, что для подростка излишне много копаться в себе — всё равно что для взрослого пить горькую.

Внешне же глобальная перемена состояла в том, что Таня ушла из драконбольной команды. Она понимала: Соловей никогда не сможет до конца простить, что из-за

её нелепого, непредсказуемого поступка сорвалась мечта всей его жизни — команда не победила в чемпионате и не получила кубок... В те дни, когда она пыталась возобновить тренировки, довольно часто О. Разбойник не мог удержаться, чтобы не ляпнуть что-нибудь вроде: «Активнее, ребятки! Атакуйте дракона! Нечего с ним нянчиться, это вам не Пуппер!» Более того, острый на язык Соловей шёл даже дальше, и нередко можно было услышать что-нибудь типа: «Семь-Пень-Дыр! Чего ты уставился на меня, как Танька на Гурия? Играй давай, шевелись!»

Разумеется, Гробыня, Жора Жикин, Рита Шитокрыто и прочие зубоскалы немедленно добавляли к этим шуточкам дюжину своих. Таня не отвечала. Ей всё как-то стало безразлично. Закованная в броню своего безразличия, она и к шуткам относилась так же.

Но всё равно какие-то самые злые шутки проникали под нравственную броню, которая только казалась прочной, и разъедали её душу. Обидевшись на тренера, Таня ушла. Ушла, даже не поговорив с ним, а просто передав Разбойнику через Ягуна записку. После этой записки она дважды ловила на себе за обедом задумчивый и невеселый взгляд Соловья, устремлённый на неё с преподавательского столика. Ей казалось, что Соловей размышляет, подойти к ней или нет. Но он так и не подошёл. Таня тоже держалась в стороне.

Назло Тане, а может быть, и самому себе, тренер пригласил в команду Верку Попугаеву. Всякий раз, стартуя, Верка так громко визжала, что в Тибидохсе дрожали стёкла. Попугаева и сама по себе была не прочь повизжать — в данном же случае этот визг был вполне оправдан. Верке достался реактивный пылесос — самый мощный из всех, который можно было выписать в магазине мага Зины на Лысой Горе. Стоило чуть-чуть перегазовать или произнести не то заклина-

ние, как пылесос немедленно таранил магический купол. Именно поэтому Верка летала в шлеме Ахилла и нагруднике Патрокла, а на поле дежурили джинны-санитары. В ожидании своего часа они позёвывали, поплёвывали в пространство и чертили босыми ногами на песке всякие каббалистические знаки.

Каждый день в четыре часа начинались тренировки, и тогда Таня старалась не подходить к окну или, зная, что это всё равно невозможно, силой гнала себя в читальный зал. Там не было окон и вообще мало что было, кроме спёртого воздуха, в котором плавала древняя книжная пыль. От пыли щипало в горле и чесались глаза. За стенкой подозрительно сморкался и, изобретая проклятия, бубнил что-то себе под нос джинн Абдулла.

Незадолго до дня рождения Ягуна Таня встретила в библиотеке Шурасика. Первый ученик Тибидохса, занесённый в вечный реестр пятидесяти самых значительных ботаников подлунного мира, любил тишину и уединение читального зала, в котором в период между сессиями редко кого можно было встретить. Однако если Таня пряталась за книгами от самой себя, от собственных чувств и мыслей, для Шурасика библиотека Абдуллы была просто дом родной. Ему единственному из всей школы сумасшедший джинн разрешал ходить между стеллажами где вздумается и даже забредать в закрытый фонд.

— Всё равно от Шурасика ничего не спрячешь! Он дотошный, просто вылитый я! Ненавижу такие мерзкие въедливые характеры и таких кошмарных настырных типов! — рассказывал всем Абдулла, втайне ужасно довольный, что у него появился такой преемник.

К Тане Шурасик относился неплохо. Всегда пересаживался поближе, когда она появлялась в библиотеке, и галантно осведомлялся, не нужно ли ей что-нибудь

записать карандашом. Карандаш у Шурасика был особенный — с грифелем, сплетённым из семи последних солнечных лучей перед полным затмением — тем самым, о котором упоминается в «Слове о полку Игореве». Заклинания, записанные таким карандашом, не исчезали с бумаги, как это происходило, когда кто-то пытался сделать это гусиным пером или ручкой.

Упомянутый карандаш был из секретных черномагических запасов профессора Клоппа, безвременно ввавшего в младенчество. Пару недель назад карандашик вместе с другими сокровищами своего предтечи обнаружил малютка Клоппик — и поменялся с Шурасиком на жвачку с вечным вкусом, которую уже спустя полчаса потерял, попытавшись накормить ею Сарданапалова сфинкса.

Когда Таня отказалась от карандаша, Шурасик пронищательно уставился на неё:

— Гроттер, что с тобой такое?

— Да так, настроения нет, — ответила Таня, думая о драконболе.

— АГА! НАСТРОЕНИЯ! Это потому, что ты тайно влюблена в Пуппера! — авторитетно заявил Шурасик. — Если нет, зачем ты спасла его во время матча? Ну провёл бы он пару часов в пузе у Гоярына — не расклеился бы. Пупперы — они прочные!

— Что?! Я влюблена в Пуппера?! Ты больной! Сиди читай, пока буквы не разбежались от такого психа! — взвилась Таня.

Шурасик поправил очки с толстыми стёклами-лупами — толще стёкла были только у Зубодёрихи.

— Видишь ли, дщерь моя, психология бессознательного — это совсем не то, что психология сознательного, — ничуть не обидевшись, сказал он. — Профессор Зигмунд...

— Клопп? — поразила Таня, от удивления прощая Шурасику «дщерь мою». Она и не предполагала, что глава чёрного отделения ещё и литератор.

— При чём тут Зигфрид Клопп? Зигмунд Фрейд! — поморщился Шурасик.

— Никогда не слышала. Он белый маг или чёрный?

— Фи, Гроттер, как ты невежественна! Он вообще не из нашей тусовки... Если и пользовался магией, то чуть-чуть, чтобы женщины не разбежались. Итак, профессор Зигмунд Фрейд убедительно доказал, что многих вещей мы желаем помимо нашей воли. И, в частности, желания наши проявляются в снах... — Шурасик понизил голос до интригующего шёпота. — Тебе Пуппер по ночам не снится? — быстро спросил он.

— Да вроде нет... Ну, может, пару раз! — растерянно призналась Таня.

Почему-то Шурасика она не стеснялась. Во всяком случае, меньше, чем Ваньку или Ягуна. Шурасик был какой-то беспольный. То ли друг, то ли подруга, то ли просто знакомый — не разберёшь. Но говорить с ним можно было о чём угодно.

— ВОТ ВИДИШЬ! — обрадовался Шурасик. — А что он делал в твоём сне?

— Да ничего особенного. Просто стоял и укоризненно смотрел... — сказала Таня.

— ЭГЕ! А в другом сне? Ты, кажется, говорила «пару раз»... — въедливо напомнил отличник.

— Ммм... Сейчас вспомню. В другом сне он летел на метле над Тибидохским рвом.

— О, метла! Ров! Это имеет глубинный нравственный смысл! — оживился Шурасик. — Ты хоть понимаешь, что тебе приснилось?

— Не понимаю и понимать не хочу, — нахмурилась Таня.

Шурасик некоторое время пожевал губами, но не решился ничего вякнуть и пошёл на попятный:

— И я не понимаю. Ну метла и метла. Мало ли кому какая чушь приснится! Мне вон вчера кикимора привиделась... Будто она схрумкала атлас звёздного неба и распевала скандинавские саги. Вот и я думаю: к чему бы это? У дяди Зиги про кикимору и саги ничего нет. Разве что это какое-нибудь сверхизвращение, — буркнул он.

Минут десять Шурасик, пригорюнившись, молча нависал над столом, не реагируя ни на какие вопросы, а потом, когда Таня уже почти о нём забыла, повернулся к ней и смущённо произнёс:

— Послушай... Я хочу сообщить тебе одну вещь... Только поклянись, что это будет между нами. Я так волнуюсь... Ты первая, кому я об этом рассказываю...

Обычно бледные щёки Шурасика запылали румянцем. Избегая смотреть на Таню, он мял в руках свой блокнотик.

«Только не хватало, чтобы он в меня влюбился! Хотя нет, на него не похоже. Как он может в меня влюбиться? Я же не энциклопедия!» — успокаивая себя, подумала Таня.

— Поклясться я поклянусь. Но без «Разрази громуса», — осторожно сказала она.

— Мне хватит обычного лопухоидного обещания. Даёшь?

— Да чтоб мне не сойти с этого места!

— Хорошо, — кивнул Шурасик. — Я знаю, что тебе можно верить. Ты не проболтаешься, тем более что я вообще-то уже наслал на тебя особый противоболтливый запук. Дело в том, что я... писатель. Непризнанный, но это временно.

— Завидую! А ты уже что-нибудь написал? — испытывая облегчение, спросила Таня.

Шурасик снисходительно посмотрел на неё:

— Разумеется, дочь моя! Я пишу статьи и посылаю их с купидончиками в «Сплетни и бредни».

У Тани просто челюсть отвисла. Шурасик — и вдруг «Сплетни и бредни»! Гораздо логичнее было бы допустить, что он пишет статьи с названием типа «Декокт из чистого разума» для еженедельника «Магическое занудство». Шурасик же, пишуший для «Сплетен», был нелеп, как семидесятилетний профессор, готовящий статейку в женский журнал.

— И много уже послал? — спросила она.

— Не слишком. Примерно тридцать статей и семьдесят заметок. Правда, мне пока не ответили. А одному моему купидончику даже пригрозили пульнуть в него запуком... Но вчера я написал кое-что новое, уж это-то точно возьмут. Хочешь, покажу? — Шурасик нервно пролистал свой блокнотик.

Найдя нужную страницу, он сунул блокнот Тане, а сам с видимым безразличием окаменел в ожидании оценки.

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ПРЕДМЕТ

Мой любимый предмет — защита от духов. Любимый он потому, что его ведёт Поклёп Поклёпыч. Он внимательный и чуткий педагог, который принимает близко к сердцу переживания каждого ученика. А ещё я люблю пары Безглазого Ужаса и его историю Потусторонних Миров. Это очень интересно, особенно когда понимаешь, что все, о ком Ужас рассказывает, уже давно умерли. Вот только мне страшно не нравится привычка Безглазого Ужаса снимать во время уроков голову и заливать всю аудиторию кровью. К тому же однажды он подбросил мне в сумку свои внутренности, и это было совсем не смешно.

А ещё я обожаю нежительство, потому что его ведёт Медузия Зевсовна. Она учит нас повадкам нежити и заклинаниям против неё. У Медузии Зевсовны на курсе 20 студентов. Каждое утро 20 внимательных глаз смотрят на Медузию Зевсовну...

— Мы что, циклопы? Маловато как-то глаз! — удивилась Таня.

— Как маловато? Ничего не маловато! — обиделся Шурасик.

— Да ты сам посмотри!

— Мм... Действительно. Промахнулся слегка... Не придирайся к мелочам, Гроттерша! Писатели такой ерундой не занимаются, для этого есть редакторы! Или читай, или не читай! — обиделся Шурасик.

Решив больше не критиковать юное дарование, которое со злости могло и сглазить, Таня дочитала статью до конца — она завершилась неумным восхвалением джинна Абдуллы, который именовался королём всех джинов и отцом гуманности, — и машинально перевернула страницу.

На обороте страница была чистой, зато на соседней каллиграфическими, с множеством завитков, буквами, мало похожими на обычный почерк Шурасика, значилось:

И придут они. И будет их четверо. Первый — яростный и гневный, с тремя лицами под золотой вуалью, придет на чёрном коне и привезёт с собой страх. Другой — справедливый, с серебряной головой и золотыми усами, будет на пылающей колеснице. Оружием же ему служат молот и топор. Третий — благосклонный, хранитель стад, властитель всех зверей, домашних и лесных. И будет с ним вол

в пшеничном ярме. Четвёртый же — страж с телом птицы и суровым ликом. Никто не скроется от него.

Они придут за тем, что принадлежало им, и горе всем, если не найдут они чего ищут.

— А вот это ничего! Создаёт настроение. Даже как-то не по себе стало! — одобрила Таня.

— Правда? Где? — просиял Шурасик.

Он заглянул Тане через плечо и внезапно точно при-
мёрз к стулу.

— Я этого не писал! — побледнев, сказал он.

— Разве это не твой блокнот?

— Блокнот мой. Но писал не я... Откуда это тут?

— А я откуда знаю!

Шурасик облизал губы.

— О, я понял: черномагический карандаш! Сегодня ночью мне вдруг померещилось, что я вижу свет и страницы шелестели. Но я думал, это мои подделанные двойки убегают из дневника! Ты же знаешь, я сам ставлю себе двойки, чтобы не возгордиться тем, что я гений! — растерянно сказал Шурасик.

Он впился взглядом в бумагу, но не прочитал и строки, как буквы стали бледнеть и расплетаться. А потом из отдельных фрагментов сложились и проступили вол, молот и топор. В стороне от них, в намеченных чёрточками ветвях толстого дерева, мелькнуло нечто похожее на крыло большой птицы. Птица, которую так и не удалось разглядеть, взлетела. Внезапно лист полыхнул холодным огнём и превратился в пепел. Но только он один — остальной блокнотик Шурасика с гениальным творением про двадцать одноглазых учеников остался нетронутым. Хоть сейчас посылай в «Сплетни и бредни».

— Исчезло! Мне казалось, карандаш Клоппа вообще невозможно стереть. Ты хоть запомнила, что там было? — сдавленно спросил Шурасик.

— Приблизительно, — сказала Таня. Она обманывала. Она помнила всё до последнего слова.

— А я даже прочитать не успел! — убито произнёс Шурасик.

Он начал было приставать к Тане с расспросами, но от любопытства слишком сильно навалился на стол. Стол, и без того перегруженный томами, которые Шурасик натащил со всей библиотеки, рухнул. Опасаясь гнева джинна Абдуллы, Шурасик всплеснул руками и, вскрикивая «Молоток! Пол-Тибидохса за молоток!», умчался за домовыми.

Таня собрала свои тетради и поспешила уйти до его возвращения.

«Другой — справедливый, с серебряной головой и золотыми усами, будет на пылающей колеснице. Оружием же ему служат молот и топор...» — вспомнила она. Таня была убеждена, что буквы исчезли не случайно. Надпись карандашом из семи последних лучей должен был прочесть кто-то один. Для повторного прочтения она явно не предназначалась. И этим одним — или, точнее, одной — была она.

* * *

Накануне дня рождения Ягуна Таня, как всегда затянувшая с подарком до последнего момента, спешно размышляла, что бы такое приготовить для внука Ягге. Её первой мыслью было преподнести ему выписанный по каталогу манок для драконбольных мячей. Этот манок, если верить инструкции, должен был подзывать мячи в воздухе, даже самые шустрые и неуловимые, вроде обездвиживающего.

К счастью, перед тем как дарить манок, Таня догадалась его испытать. Из манка вырвался кошмарный, леденящий кровь звук. Чёрные Шторы панически замахали

кистями. Лежавший в углу чихательный мяч, оставшийся ещё с тех времён, когда Таня была в команде, проснулся и сорвался с места. Стараясь улепетнуть от свиста, он расколол стекло и умчался в неизвестном направлении.

— Ничего себе «подзывать мячи»! Да он их распугивает! — воскликнула Таня.

Но если манок и распугивал мячи, существовало кое-что, что он привлекал. Со всего Тибидохса в комнату стали стекаться привидения. Вскоре их набилось такое множество, что они то и дело проплывали одно сквозь другое.

— А где мертвец? — вращая головой, как это никогда не сумел бы сделать живой, поинтересовался Поручик Ржевский.

Несмотря на то что, по слухам, упорно распускаемым его супругой, он уже был произведён в капитаны, Ржевский упорно носил прежний мундир и иначе как на поручика не откликался. Зато ножей в спине стало как будто меньше. Да и вообще вид у безбашенного призрака был менее запущенный, чем во время холостяцкой жизни.

— Мертвец, говорю, где? В шкаф его, что ли, спрятала? — недовольно повторил Ржевский.

— ??? — Таня не находила слов.

— Разве ты не звала нас на похороны? Ну мы пришли — дальше что? — продолжал напирать призрак.

— Вы в своём уме? — рассердилась Таня.

— Неужели? А мы слышали похоронный призыв. Такой всегда раздаётся, когда душа отделяется от тела! — пояснила Недолеченная Дама. Она огляделась и, убедившись, что мертвеца действительно нет, разочарованно вздохнула: — Но если никто не умер, тогда мы полетели. У нас мало времени... Кстати, я не говорила, что подаю на развод?

— С Поручиком?

— С КАПИТАНОМ! А по внутренним достоинствам — ПОЛКОВНИКОМ! — веско сказала Дама. — Мы разведёмся, разделим имущество (это интереснее всего, потому что никакого имущества у нас нет), а потом снова поженимся.

— А какой тогда смысл разводиться? — не поняла Таня.

— А эмоции? Ты недооцениваешь эмоции, деточка! Без них жизнь была бы скучна, особенно у нас, у усопших! — укоризненно заявила Дама и медленно просочилась сквозь пол. Остальные привидения печальной вереницей потекли за ней.

Таня задумчиво посмотрела на разрекламированный манок и зашвырнула его под кровать.

— Первое жизненное правило: Гроттер, никогда не заказывай ничего по каталогу! — сказала она сама себе.

Спустя полчаса, запасаясь всем необходимым, Таня уже раскатывала на столе в гостинной тесто для пирога Баб-Ягуну. Разумеется, пирог могла приготовить и скатерть-самобранка, но это было бы совсем не то. К тому же самобранкам не был известен рецепт пирога в шоколадной глазури и с яблочной начинкой, а Ягун предпочитал именно такой.

Тане помогала круглолицая Дуся Пупсикова. Из всех девочек белого отделения она была самой хозяйственной. К тому же наглый Ягун ей нравился. Правда, не так сильно, как Пуппер, но Гурий был далеко, к тому же Дусе он никак не светил, а она была девочка практичная. Малютка Клоппик, невесть откуда пронюхавший о пироге, путался у них под ногами и, в качестве отвлекающего манёвра дёргая Пупсикову за юбку, пытался стащить банку с повидлом.

Наконец пирог был украшен и посажен в пышущую жаром русскую печь. Проголодавшаяся Таня, про-

пустившая из-за пирога ужин, нашла на подоконнике тарелку с котлетой и потянулась к ней.

— Эй, чего ты?! Во-первых, она вчерашняя, во-вторых, холодная, в-третьих, я сам собирался её съесть! — весело завопил Ванька.

Он только что вбежал в гостиную в отличном настроении и стал показывать самозатачивающийся перочинный ножик, который по его просьбе выковали для Ягуна домовые.

Малютка Клопик подбежал к печке и быстро отодвинул заслонку. Пользуясь тем, что внимание Тани и Дуси Пупсиковой отвлечено Ванькой, он зачерпнул ладонью яблочного повидла, проковырял дыру в шоколадной глазури и, хикикая, убежал в неизвестном направлении.

— Вот мерзкий профессор! Никогда не ожидала от Клоппа ничего хорошего, даже когда он был главой чёрного отделения! — с негодованием произнесла Пупсикова.

* * *

Когда на другой день вечером запылённый и вымотанный Ягун, вернувшись с тренировки, вошёл в гостиную, его уже ждали. Увидев устремившуюся к нему целую толпу, играющий комментатор опешил и заслонился пылесосом. Ему померещилось почему-то, что его будут бить.

— Шестнадцать лет! Виват! Дёргай его за уши шестнадцать раз! — закричал Кузя Тузиков.

Сколько Ягун ни отбрыкивался и ни вопил, что уши дороги ему как память, отвертеться от школьного обычая ему так и не удалось. Вскоре его оттянутые уши стали ещё более пунцовыми и оттопыренными, чем в предыдущие пятнадцать лет его жизни. Потом Ягуна,

уронившего свой пылесос, на руках поднесли к столу и посадили на установленный на столе стул. Здесь как на троне он и сидел всё то время, пока ему вручали подарки.

Подарки были самыми разнообразными: шлем с забралом для драконбола, новая насадка на трубу пылесоса, перочинный нож и целая банка отвратительной слизи кикиморы — подарок Верки Попугаевой. По её утверждению, запах этой слизи, нанесённой толстым слоем поверх упырьей жёлчи, отпугивает драконов. На деле же он был так отвратителен, что проверить это никто не решался. Более того, Таня с Дусей Пупсиковой потребовали у Ягуна немедленно убрать эту банку подальше, чтобы не провонял пирог.

— Ого, какие на пироге дырки! Это так специально задумывалось? — обрадовался Ягун.

— Специально. Это чтобы внутри хорошо пропеклось, — подтвердила Таня, мстительно отыскивая взглядом малютку Клоппика, явно успевшего побывать здесь ещё раз.

Однако Клоппик и не думал удирать от возмездия. Вертясь под ногами у старших, он, жутко картавя, громко прочитал детский стишок, неожиданно и даже совсем не в рифму завершившийся новоизобретённым заклинанием «*Лиценция поэтаика*».

Что-то вспыхнуло, заискрило. В воздухе заметались холодные яркие молнии. Все были ослеплены и принялись тереть глаза, что позволило малютке Клоппику утащить связку баранок — один из подарков Ягуну — и скрыться в неизвестном направлении. Малютка явно делал успехи, прилагая все усилия, чтобы со временем вновь стать главой чёрного отделения.

— Чего-то мне есть хочется! — поигрывая перочинным ножом, деспотически заявил Баб-Ягун.

Он уже начал разрезать прогрызенный вредным малюткой пирог, когда в гостиную неожиданно ввалилась большая группа чёрных — Семь-Пень-Дыр, Горьянов, Жикин, Гломов, Рита Шито-Крыто и другие. По выражению их лиц и плохо скрытым ухмылкам Таня поняла, что они явно намереваются устроить скандал.

Гробыня, видно, заранее приготовившаяся, выдвинулась вперёд.

— Ну что, Гроттерша, с днём рождения! — вызывающе заявила она.

— Вообще-то день рождения не у меня, — сказала Таня.

— В самом деле? — удивилась Склепова, делая вид, что забыла. — А у кого? У Ягунчика? Ягунчик, лапочка, прости меня! Можно, я тебя поцелую?

Гуня Гломов передёрнулся от ревности. Покачивая бёдрами, Гробыня подошла к Ягуну и поцеловала его в щёку. Дуся Пупсикова замигала, с ненавистью уставившись в стену. Похоже было, что она вот-вот разрыдается.

— А теперь подарок! Любишь подарки, Ягунчик? Гуня! Поди сюда! — позвала Гробыня. — Где то, что я тебе дала?

Гуня Гломов, всё так же хмуро глядя на Ягуна, подошёл. В руках у него был деревянный лакированный ящик с серебристой монограммой на крышке, чем-то напоминавший те, в которых два века назад хранились дуэльные пистолеты. Ящик выглядел неплохо, хотя было похоже, что ему не одно десятилетие пришлось пролежать в сыром месте или под землёй. Во всяком случае, металлические детали позеленели, а дерево кое-где покоробилось от влаги.

— А что там внутри? — спросил Ягун.

— Да так, подарочек... От всего чёрного отделения, — томно произнесла Склепова.

Ягун принял ящик у Гуни из рук и хотел открыть его. Но не успел он дотянуться до замка, как Гробыня, непонятно улыбаясь, выхватила ящик из рук именинника и сунула его в общую кучу подарков.

— Не надо, лапочка! Это долго! Учти, внутрь можно заглянуть только через год! Запомни — триста шестьдесят пять дней, не раньше! Это очень важно! — сказала она и вернулась к чёрным. — Гунечка, за мной! Пошли доедим пирог! — скомандовала Склепова, занимая лучшее место на диване в общей гостиной. — Посмотрим, чем эти беленькие попытаются отравить нас на этот раз!

Гуня последовал за той, у кого всю жизнь шёл на поводу, даже не надеясь на взаимность. Настроение у него почему-то заметно улучшилось.

* * *

Дружеская пирушка затянулась далеко за полночь. Дважды из коридора зловещий, как Летучий Голландец, выплывал Поклёп Поклёпыч и пытался разогнать всех по комнатам. Зная, что спорить бесполезно, все делали вид, что расходятся, но уже через несколько минут собирались вновь. Рассвирепевший завуч остался было в гостиной, чтобы подстеречь учеников, но вовремя вспомнил, что оставил русалку в пруду одну, а от одиночества до измены один шаг.

Поблуднев, он завернулся в плащ, закружился и, точно пчёлами облепленный красными искрами, немедленно телепортировался.

— Любовь — это белая роза на сером плаще жизни! Здесь же пешком десять минут, а телепортироваться в сто раз опаснее! Вот что значит настоящее чувство! — патетично сказала Дуся Пупсикова.

Теперь, когда Поклёп уже никого не подкарауливал, никто не мешал ребятам делать всё, что им заблагорассудится.

Рита Шито-Крыто ненадолго скрылась у себя в комнате и вынесла тарелку из чёрного фарфора. Тарелка была покрыта рунами и каббалистическими знаками. Значения большинства были Тане неизвестны, но даже тех, что она знала, хватало, чтобы сделать вывод: ни один уважающий себя белый маг эту тарелку даже в руки не возьмёт. Чёрные маги — совсем другое дело. У них свои представления о допустимости и недопустимости заигрывания с потусторонними силами.

— Как насчёт спиритического сеанса? А, беленькие, в кусты убежать не будем? — нехорошо усмехаясь, предложила Шито-Крыто.

— А кого вызовем? — дрожа в равной мере и от страха, и от любопытства, спросила Пупсикова.

Перед тем как ответить, Шито-Крыто обвела всех пронизательным взглядом.

— А... Ту-Кого-Нет... Чумиху! — уронила она небрежно.

Демьян Горьянов разинул рот:

— Ту-Кого-Нет? Но она мертва!

— Горьянов, ты туп, как твой пылесос! Спиритические сеансы для того и существуют, чтобы общаться с духами. Поболтать с живыми можно и по зудильнику, — отрезала Рита. — Ну так как, беленькие? Вызываете с нами Чумиху или кишка тонка?

Все загалдели разом. Вызвать Чумиху! Такое могло прийти в голову только непредсказуемой Шито-Крыто! Однако никто из тех, кто был в гостиной, не отказался. Ни у кого не было желания прослыть трусом. Только Шурасик попытался было уклониться, но после пере-

думал и остался. Любознательность пересилила в нём страх.

Потребовав погасить весь огонь, Рита зажгла две свечи и поставила тарелку на стол в круг из начертанных букв.

— А теперь все садитесь вокруг стола и беритесь за руки... Готово? Отлично! Представляйте себе Чумиху... И не размыкайте рук, а то мы потеряем контакт! — распорядилась она.

По желтоватому лицу Шито-Крыто бродили зловещие тени. Большой нос нависал над губой, как у ведьмы. М-да, в лопухоидном мире она точно подрабатывала бы предсказаниями.

Как там тискают в своих газетках лопухоиды?

Мощный приворот на крови. Верну мужа в семью, пожизненно привяжу его к дому. Сделаю полную отстуду от соперницы, вплоть до ненависти. Все оккультные услуги. Гарантия 300%. Скидка по кредитным картам, по понедельникам и девушкам до 25 лет без предъявления паспорта.

Магистр чёрной магии Анастасий

— Дух Чумы-дель-Торт! Мы вызываем тебя! Приди к нам! — звенящим от напряжения голосом произнесла Рита. Её перстень выбросил красную искру.

Таня сидела между Ванькой и Баб-Ягуном. Ладонь играющего комментатора была гораздо крупнее её собственной. Маленькая Танина рука буквально утопала в ней. Ладонь же Ваньки — не такая огромная, как у Ягуна, — была на ощупь тёплой, почти горячей. Рядом с Ванькой и Ягуном Таня уже не боялась Чумы-дель-Торт.

Девочка изо всех сил старалась не представлять себе мёртвую старуху, но против её воли лицо с лохмотьями висевшей на нём кожи встало перед ней. Тане чудилось, что убийца её родителей грозно и многозначительно ухмыляется. Зыбкое лицо Чумы-дель-Торт висело над дрожащим огоньком ближайшей свечи. И самое ужасное, что Чуму, казалось, видела только она одна.

Остальные лишь щурились на огонь, не замечая лица старухи, которое стало уже почти отчётливым. Ужас удавкой сдавил Тане горло. Вязкий и липкий взгляд старухи, как и при жизни, сковывал и замораживал её. Таня до боли стиснула Ванькину ладонь. Валякин удивлённо оглянулся. Его большой палец вопросительно и одновременно ободряюще коснулся Таниного мизинца. Девочке стало немного легче.

— Дух Чумы-дель-Торт! Ты уже здесь? — снова крикнула Рита.

Призрачное лицо, которое видела одна лишь Таня, исказилось в ухмылке. Казалось, Чуму позабавило, что её зовут, когда она уже здесь. Круглый стол начал мелко дрожать. Перевёрнутая тарелка запрыгала, касаясь написанных вокруг неё букв.

— Та-Кого-Нет, готова ли ты отвечать на наши вопросы? — дрожащим от волнения голосом спросила Рита.

Тарелка отчётливо показала на одну из букв, на секунду замерла и вновь начала, позванивая, подскакивать.

— «Д»... А теперь «у»... Нет, «а». Чумиха ответила «да»! Она согласилась! — щуясь, прошептал столь же близорукий, сколь и болтливый Кузя Тузиков.

— Дух Чумы, приоткрой нам завесу времён! Должно ли вскоре случиться что-нибудь необыкновенное? — возвысила голос Шито-Крыто.

Чёрная тарелка вновь начала подпрыгивать.

— «П»... «О»... «С»... Это что — «В»? Нет, всё-таки ближе к «О». Какой-то «посох»... — сказал Кузя Тузиков.

— Последняя «х». Посох! — поправила Рита.

Тяжёлые веки на тронутом тленом лице Чумы опустились, а потом сразу поднялись. Таня поняла, что Шито-Крыто угадала верно.

— «Посох»? Это палка, что ль, такая? Ну и дальше что? При чём тут посох? — раздражённо спросил Баб-Ягун. Он не видел того, что видела Таня, и потому гадание казалось ему блефом. Прыгающее блюдо — подумаешь! Фокус на уровне первого года обучения, когда начинают проходить заклинания элементарного телекинеза, типа «*хан-цан*».

— Откуда я знаю, что она имела в виду? Видишь, тарелка уже не дрожит! Значит, она уже дала ответ! — огрызнулась Рита.

— Спроси ещё раз!

— Второй раз духов не спрашивают! Духи очень легко выходят из себя! Особенно *такие*! — бледнея от ужаса, сказал Шурасик. Если бы Семь-Пень-Дыр и Гуня крепко не держали его за руки, мешая разорвать круг, отличник наверняка бы уже слинял, сославшись на архиважные дела.

Шито-Крыто задумалась, размышляя, о чём спросить Ту-Кого-Нет.

— А ещё что-нибудь случится? Важное для кого-нибудь из нас? — произнесла она.

Стол, некоторое время остававшийся неподвижным, затрясся. Похоже было, что под Тибидохсом, за Жуткими Воротами, вновь пробудился хаос. Тарелка, постепенно ускоряясь, запрыгала по кругу из букв с такой стремительностью, словно Чума была вне себя.

— «Т»... Это точно «т»... Теперь «о»... «То»... Снова «т». «Тот»... Она сказала «тот»! — заикаясь, начал Кузя.

— Ты тормозишь, Тузиков! Я сама! — перебила его Рита. Шито-Крыто вскочила, заставив подняться сидевших рядом с ней и не отрывая взгляда от блюда. — «Тот... кого... по-настоящему полюбит...» — прочитала она.

— К чему это? Кто полюбит? — нетерпеливо спросила Склепова.

Тарелка подскакивала уже как безумная. Было непонятно, как Ритка вообще успевала замечать, каких букв касалась стрелка.

— «Таня... Гроттер...» — удивлённо произнесла Рита, не отрывая взгляда от блюда.

— Ты уверена?.. Гроттерша? Да кому она нужна! Кого она полюбит? — забеспокоилась Гробыня, вспоминая о Пуппере.

Внезапно тарелка остановилась. Стол, до того сотрясавшийся как в лихорадке, перестал дрожать.

— А дальше? Что сделает тот, кого полюбит Гроттерша? — с любопытством поглядывая то на Таню, то на тарелку, поинтересовалась Верка Попугаева.

— Откуда я знаю?.. Шурасик разомкнул руки! Я же говорила: нужен непрерывный контакт! Гломов, займись! — рассердилась Рита.

Гуня поймал взмокшую ладонь Шурасика и сдавил её точно в тисках. Шурасик пискнул от боли. Зыбкий силуэт, сотканный из свечного пламени и дыма, вновь начал обретать очертания.

Пустые глазницы Чумы-дель-Торт устремились на Таню. В глубине пустого черепа мёртвой волшебницы полыхал негасимый огонь.

— «...пре»... «предаст её!» — дочитала Рита.

Тарелка подпрыгнула в последний раз — подпрыгнула очень высоко — и, упав на стол, раскололась. В гостиной повисла вдруг такая тишина, что стало слышно, как где-то высоко, едва ли не на самом верху башни, в окно бьётся нетопырь.

— Ого! Гроттершу предадут! Хоть одно приятное известие. Жизнь, если разобраться, полна мелких радостей и не менее мелких гадостей! — прокомментировала Склепова, первой пришедшая в себя.

— Это ложь! Неправда! — крикнула Таня.

Она ударила по свече. Свеча упала и погасла. Призрачное лицо, сотканное из огня и дыма, дрогнуло и исчезло. По гостиной прокатился сухой и шуршащий, точно сыпавшийся горох, хохот мёртвой чародейки Чумы-дель-Торт.

— Неправда! Никто меня не предаст! Особенно тот, кого я люблю! — крикнула ей вслед Таня.

Чума не ответила. Её хохот становился всё тише, всё отдалённее.

— Гроттер, чем ты, интересно, занималась на защите от духов? Вспомни лекцию Поклёп Поклёпыча двенадцатого декабря прошлого года. Духи никогда не обманывают! Они не могут! Мёртвые куда честнее живых! Это факт, который не подлежит сомнению, — назидательно сказал Шурасик, выживая из воздуха толстую тетрадь конспектов.

Он был уже не такой зелёный — видно, постепенно приходил в себя.

— Обрати внимание: страница тридцать девять, пятый абзац сверху... А мне почему-то казалось, что шестой. Вот что значит склероз! — огорчился Шурасик, поднося тетрадь к самому Таниному носу.

Ванька бесцеремонно оттолкнул Шурасика.

— Сам ты вспомни лекцию двенадцатого декабря прошлого года! А заодно вспомни, как больно получить в нос во все числа любого месяца! — заявил он.

Шурасик пожевал губами, ничего не ответил, но на всякий случай записал эту новую для себя мысль в блокнотик нестирающимся черномágическим карандашиком.

Гробыня Склепова подняла свечу и задумчивоковырнула ногтем оплывший воск.

— Значит, Гурий скоро тебя предаст... Ай-ай-ай, какая жалость! Гроттерша, прими мои самые искренние соболезнования. Надеюсь, я ещё успею поменять причёску, прежде чем произойдёт это кошмарное событие! — сказала она.

Почему-то Гробыне даже в голову не приходило, что любить можно не только Пуппера.

Глава 3

ПОЛУДЕННЫЙ БЕС И ДУРНАЯ НАСЛЕДСТВЕННОСТЬ

Халявий остался жить у Дурневых. Вначале его пытались поселить на лоджии, где прежде обитала Таня, но в первую же ночь оборотень поднял такой вой и так скрёбся в дверь, что больше этот опыт не повторяли. Несчастный же генерал Котлеткин, которому до рассвета не давали спать кошмарные звуки явно потустороннего происхождения, наутро едва не впал в расслабление и стал всерьёз задумываться, не бросить ли ему все махинации и не перейти ли в одну из оккультных сект на должность старшего помощника младшего жреца.

После этого печального опыта на лоджию оборотня уже не выпроваживали, а переселили в одну из свободных комнат поменьше, которую проще было убирать, когда он превращался в волка. Комната имела крепкую дверь и надёжный замок, что для Дурневых было немаловажно. Пипа, всё ещё сводившая счёты со своими мягкими игрушками, изредка забавы ради бросала одну или две в комнату к Халявию, наутро находя их растерзанными, с выпущенной ватой и выпотрошенным поролоном, а самого родственничка бабы Рюхи уныло сидевшим на полу уже не в волчьем, а в человеческом обличье.

— Совсем, то ись, грустно... Вцепишься — и разочарование! — говорил оборотень, счищая с зубов вату.

Герман Никитич по утрам уезжал в свою фирму «Носки секонд-хенд», а во второй половине дня в коммерческий банк, с которым давно, ещё в бытность депутатом, плотно вёл дела. В коммерческом банке он служил чем-то вроде визитной карточки. В его негласные обязанности входило один-два раза будто случайно заглянуть в кабинет к директору, когда там бывали важные клиенты.

Вселяя в их сердца суеверный ужас, одиозный политик позванивал шпорами и поправлял на лысеющей макушке корону. Дела банка стремительно пошли в гору. «Дойные коровы» банка, даже самые мафиозные, стали тихи и послушны. Задолженности исчезли вовсе. Служба внутренней безопасности банка, прежде занимавшаяся неплательщиками, теперь лишь парковала машины, а её начальник, отставной полковник органов, меланхолично раскладывал на компьютере вдовий пасьянс.

Первые день-два супруга бывшего депутата не могла спокойно смотреть на Халявия. Стоило её увидеть его грязные ноги, как её начинала бить нервная дрожь. Но так было только вначале. Потом она всё-таки загнала карлика в ванну, где едва не утопила его в пене, но добилась того, что пахнуть он стал вполне терпимо, а грязь отскоблилась. Однако, пока его мыли, Халявий так душераздирающе выл, что Айседорка вызвала домовую охрану, заявив, что в квартире у Дурневых кого-то пытаются.

Постепенно мадам Дурнева привыкла к оборотню и даже по-своему привязалась к нему. Не прошло и недели, а между ними уже царило полное согласие, вызванное глубинным внутренним родством натур. Супруг начинал смутно ревновать, тем более что Халявий был отдалённо похож на него в профиль. Шелудивый Буняка и Хрипуша внесли-таки свою лепту в их общие гены.

Обычное утро в квартире Дурневых начиналось так. Герман Никитич отвозил Пипу в школу и уезжал сам, а его жена сидела на кухне и колдовала что-нибудь на тему диетического завтрака, плавно перетекающего в условно диетический обед. Халявий, бледный после бессонной ночи (ночами он предпочитал выть), притаскивался и усаживался рядом.

— А мне что делать? — скучая, спрашивал он.

— Что хочешь! — разрешала Нинель, радуясь хоть такому обществу.

Оборотень скрёб заросший щетиной подбородок и капризно требовал:

— Мне, то ись, нужно какое-нибудь несложное, но успокаивающее занятие.

— Какое же, Халявочка? — ласково спрашивала она.

— Ну не знаю... Можно, я буду разматывать рулончики туалетной бумаги? — неуверенно спрашивал оборотень.

Дурнева, приученная своим мужем и не к таким странностям, обычно соглашалась. Она сидела за столом и вкушала индейку с ананасами, а Халявий, при moistившись рядышком на табуретке, забавлялся с туалетной бумагой.

Аппетит у оборотня был скверный. Есть он мог только вечером, только сырое мясо и в очень небольших количествах.

— Ну прямо как мой Германчик! — умилялась Дурнева, находившая у своих «мужинок» всё больше приятного сходства.

Иногда она отправлялась в супермаркет за покупками, Халявий же оставался в квартире. На улице он упорно не выбирался, да и вообще у Дурневых нередко складывалось впечатление, что оборотень от кого-то скрывается.

Однако наступил день, когда Нинель убедилась, что её муж, хотя и имеет свои невинные странности, вроде того что воображает себя кроликом и спит в сапогах, всё-таки выгодно отличается от своего трансильванского родственника.

Как-то около полудня, когда мадам, только что приехавшая из супермаркета, поворачивала ключ в замке, она услышала серию негромких хлопков. Не понимая, что происходит, она потянула дверь и успела увидеть, как из спальни вырвался холодный белый огонь. Когда он опал, наружу шагнул закопченный Халявий, держащий в руке обугленную упаковку спрей-дезодорантов: Нинель, женщина широкая во всех смыслах, никогда и ничего не покупала помалу.

— Я Герострат! Я спалил храм Артемиды! — выл Халявий.

Заметив хозяйку квартиры, он небрежно швырнул в неё баллончиком и, заламывая руки, возопил:

— Вяжи меня, человече, и скидывай с Тарпейской скалы! Смерть мне не страшна! Это сделал я, безумный Герострат!

Не слушая его, мадам Дурнева метнулась в спальню. Одеяло чадило. На полу валялась ножка от табуретки, превращённая в факел. Ножка почти уже прогорела. Вероятно, безумному Герострату пришлось долго поджаривать упаковку, прежде чем он добился желаемого результата. Кожаные кресла пахли палёной дохлятиной. По обоям мечтательно плясал синий огонёк.

Предотвратив пожар, Нинель в ярости выскочила из спальни. Безумный Герострат стоял в большой комнате, задумчиво озирая мебель. Кажется, он соображал: не стоит ли для верности присовокупить к храму Артемиды парочку построек поскромнее?

Услышав за спиной топот, оборотень обернулся.

— Наконец ты пришёл к Герострату, гонец! Долго же ты заставил себя ждать! Знай, я готов принять любую кару, кроме забвения! — возгласил он с надрывом.

Дурнева с перекошенным лицом занесла над его головой пудовый кулак.

— О, что-то новенькое! — удивился безумный Герострат. — Я думал, меня сбросят с Тарпейской скалы! Что ж, мне всё равно! Верши своё чёрное дело, палач!

Кулак обрушился на макушку оборотня. Разъярённая Дурнева замахнулась во второй раз и... внезапно обнаружила, что лежит на полу. Чья-то твёрдая рука взяла её за плечо и помогла подняться. Халявий подул на палец, по которому плясали синеватые молнии.

— Мерси, мамуля! Это меня отрезвило! — сказал он. — Но в следующий раз не надо ударять меня так сильно. Вполне достаточно шлепка книгой или ладонью. Главное, чтобы он пришёлся возможно ближе к макушке. Это принципиально! В другие места можно не бить!

— ТЫ ЧУТЬ НЕ УСТРОИЛ ПОЖАР! — зарычала супруга бывшего депутата.

— Пардон! Это был, то ись, не я! — возразил Халявий.

— А КТО?!

— Полуденный бес, мамуля!.. Трясея, сестра бабкина, горяча была на язык. Сглазила меня ишшо малюткой! — жалея себя, всхлипнул Халявий. — Таперича, бывает, как полдень, он в меня вселяется. Пряма сам не соображаю, что творю. Вон и тогда — прихожу в себя, а за мной с кольями да с пулями серебряными уж гонятся! Пришлось, то ись, «Темпора моралес» говорить да к вам, родненьким, под крылышко перебираться! — виновато пряча глаза, пояснил Халявий.

— А этот, полуденный твой, он всегда пожары устраивает? — хмуро осведомилась Нинель.

— Как ему заблагорассудится, мамуля. У беса-то настроений много, а под каждое настроение и личность находится. Когда я Герострат, когда Нижинский¹, а когда ишло кто-нибудь... Я уж и не знаю, — пожал плечами Халявий.

— Отлично! Раз ты не знаешь, так кто знает? И сколько у тебя всего личностей? — с горечью воскликнула «мамуля».

Она рухнула на жёлтый диван с механизмом «гармошка» и, удручённо подперев голову пухлыми ладонями, уставилась на Халявия. Оборотень мялся как красная девица и ковырял большим пальцем ноги ворс ковра.

— Ты, то ишь, имеешь в виду, когда у меня едет крыша? — уточнил он, отрываясь от своего занятия. — О, довольно много! Примерно с десятков основных и ещё три-четыре таких, что проклёвываются время от времени.

Потрясённая мадам Дурнева замычала. Она грузно встала, подошла к бару и, достав бальзам «Счастье домохозяйки», отхлебнула из горлышка:

— Ум-м-м. И сколько из них буйных?

— Таких, когда я становлюсь опасен? Представления не имею, мамуля. Всякий раз после раздвоения у меня происходит выпадение памяти... Ну прям как у вас, лопухойдов, с перепоею.

Нинель пошатнулась. Слабоалкогольное и шипучее «Счастье домохозяйки» вспенилось ей в нос.

— А вот намёков не надо!.. И почему я тебя не прогоню? Не выставлю за дверь? — сокрушённо спросила она.

---

¹ Нижинский Вацлав (1889—1950) — русский артист балета, балетмейстер. Ведущий танцовщик и хореограф в «Русских сезонах» и в балетной труппе С. П. Дягилева.

— Судьбоносцы, мамуля, судьбоносцы... Там на небе ить тоже не бублики сверлят. Это мы тут ничего не знаем, а они там всё знают, обо всём ведают. Так-то, мамуля, — сказал Халявий, успокаивающе похлопывая Дурневу по коленке.

* * *

Через три дня утром Нинель повезла Пипу на киностудию на пробы. Компания «Мельница» собиралась снимать сериал по «Дюймовочке» и подбирала юных актёров на главные и второстепенные роли.

— Тебя должны взять, Пипочка! У тебя такое выразительное лицо, такой умный взгляд. Сразу видно, что ты из хорошей семьи. К тому же ты уже успела примелькаться. Совсем недавно журнал «Wanted!» вышел с твоим фото на обложке, — убеждала она дочку.

— Меня потом два раза останавливали на улице! — плаксиво сказала Пипа.

— А ты как хотела? Антиреклама есть антиреклама. Упал с самолёта — учишься летать! — Дурнева облизала губы, пытаясь припомнить что-то важное. — Ах да, Пипа! Вот о чём я тебя хотела попросить. Умоляю, не болтай лишнего, а то ты как ляпнешь чего — уши вянут!

— Щас! Прямо так и буду сидеть молча! — огрызнулась Пипа. — Пусть попробуют не взять меня на роль — я им эту Дюймовочку да из трехдюймовочки! Паф-паф!

Пипа и мамаша уехали. Примерно через час Герман Никитич стал собираться на деловые переговоры. Он побрился, побрызгался дезодорантом, надел красный пиджак и жёлтый галстук и уже натягивал сапоги графа Дракулы, как вдруг из коридора явственно донёсся какой-то шум.

Халявий, до того спокойно сидевший на ковре, внезапно насторожился, сделал умоляющее лицо и на четвереньках побежал куда-то. Пожимая плечами, Дурнев как был, в одном сапоге, выглянул в коридор и оледенел. Прямо на его глазах сквозь входную дверь спиной вперёд протиснулись двое мужчин. Вероятнее всего, они использовали «*Туманус проимыгус*», но Дурнев-то об этом не знал.

Первый из двух незваных гостей был уже седой, с бугристым носом и узким, точно щель почтового ящика, ртом. Позади него, перегораживая прихожую квадратными плечами, возвышался атлетический, почти двухметровый верзила с мощными надбровными дугами и неразвитым подбородком. На плащах у обоих погасали красные искры — верный признак того, что они недавно применяли пространственное заклинание. Заметив Германа Никитича, гости приветственно осклабились. Дурнев невольно обратил внимание, что их глазные зубы значительно выдаются вперёд.

— Вы Герман Дракула IV? — деловито поинтересовался седой. — Очень приятно! Нам необходимо поговорить с вами. Не пытайтесь бежать, это бесполезно!

Дико замычав, хозяин квартиры хотел захлопнуть дверь в комнату и схватить шпагу, но опоздал. Узкоротый в тот же миг сунул в проём ногу, а громила подхватила бывшего депутата в охапку и, не церемонясь, втащила его в гостиную. Здесь он с размаху посадил Дурнева на диван, а сам отошёл на пару шагов и огляделся.

В гостиной, кроме них, никого больше не было. Халявий исчез. Дурнев случайно заметил, что на ковре рядом с маленькой тумбочкой, где супруга хранила журналы по фитнесу и брошюры «Как сбросить вес», валяется несколько выпавших газет. Сложно было даже допустить, чтобы взрослый человек забрался в такую небольшую тумбочку. Разве что карлик...

Узкоротый, укORIZненно поблѣскивая слезящимися гриппозными глазками, уселся в кресло и закинул ногу на ногу.

— Перейдѣм сразу к делу, — сказал он. — Я Малюта Скуратофф, верховный судья Трансильвании и хранитель реликвии. А это Бум. Бум... как бы правильнее выразиться... мой помощник. Он помогает мне в щекотливых миссиях, с которыми я сам, обладая слабым здоровьем, могу не справиться.

Детина ощерился. Что это могут быть за щекотливые миссии, прочитывалось на его физиономии.

— Разумеется. Он отрывает у бабочек крылышки и таскает за вами зонтик, — съязвил Дурнев, которого бесило, что с ним, председателем, вампиры обращаются так бесцеремонно.

Оба упыря пропустили слова бывшего депутата мимо ушей.

— Господин председатель, давайте сразу уладим все недоразумения! Мы пришли за Халявием. Нам известно, что он скрывается здесь, — напористо продолжал Скуратофф.

— В самом деле? А мне об этом почему-то неизвестно! — заявил Герман Никитич. Он справедливо заключил, что если бы вампиры точно знали, что оборотень у него, они устроили бы обыск, не пререкаясь.

Бум привстал. Его тупое лицо не выражало ничего хорошего.

— Не отпирайся, умник! Думаешь, как мы сюда попали? Мы встали точно в его следы, произнесли «Темпора моралес» и переместились. Нас зашвырнуло на твою площадку. Чем ты это объяснишь, а? — проорычал он.

Дурнев неуютно задвигался на диване, ощутив сырость той самой частью тела, которой думали динозав-